

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теологии и религиоведения

Квази- и гиперрелигиозность в художественной литературе

АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
МАГИСТРА

студента 2 курса магистратуры, 152 группы
направления 48.04.01 Теология
философского факультета
Лукьяненко Константина Александровича

Научный руководитель

д.ф.н., профессор

М.О. Орлов

Зав. кафедрой

д.ф.н., профессор

В.П. Рожков

Саратов, 2017

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Возрождение религиозной веры в современной России – процесс невероятно сложный и очень трудоемкий. С конца XX века много внимания уделялось поиску механизмов и выработке эффективных способов защиты людей искавших Истину (апологетическая деятельность) от различного рода деструктивных культов, сект, псевдохристианских учений. Миссионерскому и катехизаторскому секторам в лоне РПЦ отводится одна из самых сложных задач – проповедь Евангелия и передача живого исторического опыта христианства. Среди основных задач данных миссий – не только знакомство ставших на путь воцерковления людей с основами подлинной веры последователей Христова учения, но, прежде всего, развитие здорового религиозного опыта внутри православия. Православная традиция невероятно сильна тем, что ей давно известна проблематика намеренных или ненамеренных уклонений верующего человека от многовекового духовно-аскетического опыта – как верного религиозного метода восхождения человека к святости.

Возрождение веры в масштабах страны предполагает возрождение традиции, а, следовательно, и религиозного опыта¹. Отказ от духовного опыта традиции, его подавление, или отрицание приводит к «вырождению религиозного опыта»², а вырождение религиозного опыта, в свою очередь, «имеет катаклизмические последствия»³. Это касается не только нашей истории XX-го века, но и других предшествующих эпох, и сегодняшнего дня.

Парадокс заключается в том, что религиозный опыт несет в себе огромный потенциал, который делает его не просто важным. В то же самое время он очень опасен⁴. Смысл подобного опыта – «перестройка сознательной личности», а потому, бесконечная опасность его в том, что данная перестройка «часто кончается душевными расстройствами религиозного происхождения, разрушающими личность»⁵. И, если «в норме» религиозные обращения способствуют социальному и психическому благополучию, то другие обращения являются «патогеничными и патологичными»⁶.

Такой всплеск религиозной патологии наблюдался, прежде всего, в постперестроечный период. Стоит вспомнить хотя бы секту «Белое братство», многие адепты которой, либо сходили с ума, либо кончали жизнь

¹ Более подробно об этом смотрите: П.Бергер «Религиозный опыт и традиция»

² Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. В двух т. / И.А. Ильин – М.: ТОО Парогъ, 1993. – 448 с., С. 239

³ П.Бергер «Религиозный опыт и традиция» (132-133). Важно заметить, что П.Бергер придает грандиозное значение религиозному опыту человека, называя его «константой человеческой истории».

⁴ Там же (стр. 131)

⁵ Гуревич П.С. Религиоведение: учебник для бакалавров / П.С.Гуревич – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 573 с. – Серия: Бакалавр. Углубленный курс С. 81

⁶ С.А. Белорусов. Психология духовности, веры и религии [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://www.aquarun.ru/psih/relig/relig4.html> (дата обращения: 27.05.2017). Загл. с экрана

самоубийством. В это же время наблюдался повышенный интерес к оккультизму и магии. И в этот период начало активно возрождаться и православие. Постсоветский человек тогда находился в невероятном состоянии неопределенности, он не знал ни во что верить, ни как верить. А это – рискованная ситуация, так как огромен риск уверовать в неверное и/или неверно.

Масштаб неопитства в данный отрезок времени был запредельным. Ошеломляющее количество неопитов, не зная ни как верить, ни во что, и их «сырой» религиозный опыт, которого, по сути, и не было еще, дали импульс к разрастанию таких феноменов как квазирелигиозность и гиперрелигиозность. На сегодняшний день ситуация не на много изменилась. По-прежнему огромное количество народа попадают и в секты, и в девиантные группы внутри самого православия.

Религия, а точнее, религиозная традиция, представляет собой специфический комплекс знаний и навыков по освоению этого опасного опыта. И, если такая работа не будет осуществляться сознательно или вовсе будет отсутствовать, то религиозный (нуминозный по Юнгу) «опыт кончается катастрофой»⁷. А потому, онтологически, религиозная традиция призвана быть неким сдерживающим и регламентирующим фактором, она «представляет собой тщательное управление слишком опасным человеческим опытом»⁸.

Возрождение подлинного религиозного опыта в рамках православной традиции – это, прежде всего, возрождение того пути, по которому учит идти Святое Предание, наглядно показывая реализацию Евангельских заветов Богочеловека Иисуса Христа. Когда речь идет об истоках веры, о тех основах христианства, которые нам заповедал Спаситель – о любви к Богу и о любви к человеку – речь идет, на самом деле, о реализации этой задачи как задачи-максимы. В этом контексте для необходимых преобразований в современном постсекулярном обществе не последняя роль отведена и художественной литературе⁹.

28 марта 2014 года эта позиция была обозначена Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом на заседании Палаты попечителей Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: «Для того чтобы люди читали, усваивали художественную литературу очень важно, чтобы у них было время и вкус к чтению. И поэтому главная, может быть, задача сегодня заключается в том, чтобы этот вкус к чтению художественной литературы привить нашей читающей публике,

⁷ П.Бергер «Религиозный опыт и традиция»

⁸ Там же

⁹ Георгий Бирюков, протоиерей. О рассказе Л. Толстого «После бала». [Электронный ресурс] сайт. URL: http://ruskline.ru/analitika/2017/04/04/o_rasskaze_ltolstogo_posle_bala/ (дата обращения: 27.05.2017). Загл. с экрана.

особенно молодежи...я глубоко убежден в том, что необходимо пропагандировать хороших писателей, используя все доступные средства»¹⁰.

Опираясь на слова Патриарха, мы решили подойти к решению данного вопроса практически. Поскольку сегодня актуальным вопросом является проблема катехизации, мы решили связать ее воедино с поставленной Патриархом задачей. Так получилась идея написания нашей работы. С практической точки зрения это оказалось довольно серьезным подспорьем в освоении многих вопросов, связанных с духовной жизнью человека, идущего к Богу (воцерковляющегося) или только ищущего Его. Так, для нас оказываются важными не только тексты, затрагивающие вопросы бытия Божиего вроде пасхальных или рождественских рассказов, но, прежде всего, рассказы, которые помогают увидеть подлинную веру и изнанку духовности, здоровую религиозность и наоборот, деструктивную, патологическую, рискогенную.

Важнейшую роль в раскрытии этих моментов играют не только произведения писателей, но и их личный опыт. Не только литературный, житейский, но и религиозный. Таким ярким религиозным опытом обладал и А.П. Чехов, и Ф.М. Достоевский, и В.И. Даль, и Н.В. Гоголь и многие другие писатели. Например, для многих воцерковляющихся людей опыт Чехова и Гоголя будет очень полезен. Благодаря их религиозному опыту можно понять, чем чреваты различные религиозные перегрузки в жизни не только самих верующих, но и их близких, а в случае с Чеховым, особенно детей, которые являются невольными «заложниками» родительского воспитания.

В связи с состоянием неопределенности в религиозной жизни современного общества переходной эпохи **актуальность темы исследования** состоит в необходимости осмысления опыта предыдущих веков с целью выработки верной методологии и практики в рамках катехизической деятельности.

Степень разработанности темы. Анализ феномена религиозности, а более конкретно, религиозного опыта представлен во многих работах философов и теологов, в частности, в произведениях П. Бейля, Григория Богослова, Л. Валлы, Ф. Вольтера, Г. Гегеля, П. Гольбаха, Д. Дидро, Макария Египетского, Иоанна Златоуста, И. Канта, С. Кьеркегора, Г. Лейбница, Иоанна Лествичника, Дж. Локка, К. Маркса, М. Монтеня, Х. Ортега-и-Гассета, Григория Паламы, Б. Спинозы, Тертуллиана, Л. Фейербаха, И. Фихте, Ф. Энгельса, Д. Юма, К. Ясперса и др. В отечественной религиозно-философской и религиоведческой литературе это произведения С.С. Аверинцева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, В.И. Гараджи, Л.П. Карсавина, Л.Н. Митрохина, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, И.Н. Яблокова и др.

¹⁰ Святейший Патриарх Кирилл возглавил заседание Палаты попечителей Патриаршей литературной премии. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3614171.html> (дата обращения: 27.05.2017). Загл. с экрана.

Для нашего исследования важными являются идеи как психологов, так и социологов религии, исследовавших специфику религиозного сознания в целом. Серьезное внимание исследованию данных проблем уделяли такие мыслители как: В.М. Бехтерев, А. Ван Каам, М. Вебер, С. Гроф, У. Джеймс, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, И. Карузо, В.И. Красиков, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, Г. Мэлоуни, Г. Оллпорт, А.И. Розов, В. Франкл, Э. Эриксон, К.Г. Юнг и др.

Феноменология еретического религиозного опыта, имеющая непосредственное отношение к проблеме квази и гиперрелигиозности, рассматривается в работах В.В. Болотова, В.В. Бонч-Бруевича, А.Л. Дворкина, С.А. Зеньковского, И.А. Крывелева, С.Г. Лозинского, А.В. Кураева, П.И. Мельникова-Печерского, митрополита Макария (Булгакова), А.В. Слесарева и др.

Большой вклад в наше исследование феномена гиперрелигиозности внесли работы из области психиатрии. Пристальный интерес к различным аномальным проявлениям в религиозной жизни привел к возникновению в практике англоязычной психиатрии термина гиперрелигиозность (hyperreligiousness). Мы встречаем его в работах: N.Berlinger, F.Previc, J.Rabin, J.L.Salver, Geschwind, Turner, Waxman, Р. Фон Крафт Эбинга, и др. Наши исследования показали¹¹¹²¹³, что элементы, которые характеризуют гиперрелигиозность на Западе, присутствуют в полной мере и в отечественной психиатрической практике в трудах В.М. Бехтерева, П.Б. Ганнушкина, И.Г. Оршанского, С.С. Корсакова, В.Х. Кандинского, В.П. Сербского, Д.Е. Мелехова и др. Такие феномены как религиозный фанатизм, религиозное помешательство, религиозный энтузиазм, галлюцинации, экстаз, мистический бред, психическая эпидемия являются сутью проявлениями гиперрелигиозности с точки зрения психиатрического и психоневрологического подходов. Именно эти явления духовной жизни и являются, по большей части, производными гибридной топики прелести (С.С. Хоружий).

Проблемы непосредственно связанные с изучением квазирелигиозности помогают нам раскрыть работы таких классиков как М. Вебер, К. Мангейм, П. Тиллих, И. Вах, Р. Барт, У. Джеймс, Р. Генон, Э. Трельч, П. Бергер, К. Доусон и др.; а также авторов в области религиоведения: Андреевой Л.А., Е.Г. Балагушкина, В.И. Гараджи, П.С. Гуревича, И.А. Дорошина, А.В. Кураева, А.В.

¹¹ Лукьяненко К.А. Соціальні норма і патологія гіперрелігійності: підступи до теми / Константин Лукьяненко // Філософські дослідження: Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. Випуск № 14. – Луганськ: вид-во СНУ ім. В.Даля, 2011 – 328 с. – С. 291-300

¹² Лукьяненко К.А. Факторы возникновения гиперрелигиозности гибридной топики прелести [Текст] / К.А.Лукьяненко // Гілея: наук. вісн.: зб. наук. пр. / Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова, Укр. акад. наук. – Київ : [б. в.], 2013. – Вип. 71 (№4). – С. 646-652. – Бібліогр.: с. 652

¹³ Лукьяненко К. А. Рискогенный потенциал гиперрелигиозности (на примере повести А. П. Чехова «Убийство») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 32–39.

Пивоварова, М.Г. Писманика, Е.И. Аринина, Д.С. Угриновича, Е.С. Элбакян, В.Г. Немировского, П.А. Старикова, А.В. Харламова и др.

Для осмысления квази- и гиперрелигиозности как явления известного в богословии под названием «прелесь» мы использовали работы следующих авторов: святителей Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника, иеромонаха С. Роуза, инокини М. Скобцовой, инока Андроника (А.Ф. Лосева), митрополитов А. Сурожского и А. Храповицкого, архиепископа И. Шаховского и протоиереев: Г. Флоровского, А. Шмемана и А. Меня и др.

Среди авторов работ изучающих феномен воцерковленности и неофитства необходимо выделить А.С. Десницкого, Богачева М.И. Лексина В.Н., Лункина Р.Н., Локосова В.В. Лебедева С.Д., Синелину Ю.Ю., Чеснокову, Г. Чистякову, В.Ф., Филатова С.Б. и таких богословов как митрополит Лонгин, игумен Нектарий (Морозов), игумен Петр (Мещеринов), протоиереев Г. Йоффе, М. Козлова и П. Великанова,

Среди писателей, описавших в своих работах квази и гиперрелигиозное сознание необходимо выделить: А. Белого (Серебряный Голубь), Н.В. Гоголя (Тарас Бульба, Вий и др.), В.И. Даля (О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа), Ф.М. Достоевского (Братья Карамазовы, Идиот, Бесы и др.), А.В. Зернина (Женитьба доктора Поволжина), Н.С. Лескова (Очарованный странник, Соборяне, Запечатленный ангел и др.), П.И. Мельникова-Печерского (Гриша, В лесах, На горах, Поярков, Старые годы и др.), М.Е. Салтыкова-Щедрина (Господа Головлевы, Пошехонская старина и др.), Л.Н. Толстого (Отец Сергей, Три старца, и мн. др.), Г.И. Успенского (Парамон юродивый и др.), А.П. Чехова (Убийство, Княгиня, Казак, Панихида и мн. др.).

Из представителей западной литературы: Дж. Бокаччо (Декамерон), Дж. Буньяна (Путешествие пилигрима), Э. Золя (Лурд), К.С. Льюиса (Письма баламута), Т. Манна (Избранник), Ф. Рабле (Гаргантюа и Пантагрюэль), Дж. Сэлинджера (Фрэнни и Зуи), Г. Флобера (Искушение святого Антония) и др.

Среди остальных авторов, помогающих нам очертить контуры наших исследований необходимо выделить: С.А. Белорусова, Б.С. Братуся, В.А. Бачинина, О.А. Богданову, Ж.Бодрийяра, С.П. Гурина, Д.Н. Дурьгина, Ю.М. Зенько, В.И. Ильченко, В.Д. Исаева, А.В. Кураева, К.Н. Костюка, А.И. Осипова, А.И. Крылежева, Ю.В. Рыжова, Д.А. Узланера, С.А. Смирнова, С.С. Хоружего, М.Н. Эпштейна, М.О. Орлова, В.П. Рожкова, В.А. Фриауфа, В.Б. Устьянцева, С.М. Фролову, иерея Г. Чисятокова, R.S.Pearson'a, Ch. Taylor'a и др.

Основная проблема исследования заключается в выявлении специфики квазирелигиозности и гиперрелигиозности на примере анализа Российской религиозности конца XX (постперестроечный период) – начала XXI ст., а также выявления параллелей данных феноменов с историческим и литературным прошлым русского человека. Данная проблема может быть выражена в следующих вопросах. Что есть квазирелигиозность и гиперрелигиозность? Каковы аспекты рассмотрения квазирелигиозности и гиперрелигиозности? Каковы характерные особенности, виды и формы квази и гиперрелигиозности и как они изображаются в художественной литературе? Каковы особенности

проявления и пути преодоления квазирелигиозности и гиперрелигиозности в истории России и современных условиях?

Объектом настоящего исследования является феномен религиозности в историко-культурном бытии России

Предметом исследования является квазирелигиозность и гиперрелигиозность в российской истории и художественной литературе XIX в.

Цель исследования: раскрыть содержание феноменов квази- и гиперрелигиозности в настоящее время и историческом прошлом, рассмотреть данные феномены в художественных произведениях и провести параллель современной рискогенной религиозности с текстами предшествующей эпохи.

В соответствии с поставленной целью в работе выдвигаются следующие **задачи:**

- Проследить динамику религиозности в России постперестроечного периода как переход от *minimal* (бедной религии) к *hyper* (к гиперрелигиозности);
- Выявить особенности развития религиозного сознания неофита и указать потенциальные риски этого процесса;
- Выявить предпосылки возникновения феноменов квазирелигиозности и гиперрелигиозности в современном обществе и проанализировать их особенности. Дать определение понятию гиперрелигиозность;
- Указать некоторые особенности экстремальной религиозности и рискогенный потенциал паталогической (девиантной) религиозности;
- Продемонстрировать с помощью художественных текстов максимальную схожесть современных внутривосточных мифов с мифами прошлого;
- Определить катехизическую пользу от чтения указанной в исследовании художественной литературы.

Методологическая основа исследования. При проведении исследования были использованы: общенаучные методы – диалектический,

метод формальной логики (описание, сравнение, классификация, анализ и синтез), феноменологический, структурно-функциональный, системный, аксиологический методы; частно-научные методы – сравнительно-исторический метод и герменевтический анализ источников. В качестве теоретической базы исследования были использованы публикации, посвящённые осмыслению религиозных процессов в постсекулярном обществе, в частности исследованию феномена «гипер» в культуре XX века (М. Эпштейн) и феномена прелести в его философской концептуализации (С. Хоружий).

Научная новизна исследования заключается, прежде всего, в выявлении причин возникновения таких феноменов как квазирелигиозность и гиперрелигиозность. Автором было показано, что фундаментом для возникновения данных феноменов является, прежде всего, неверная динамика роста неопита (процесса воцерковления). Также автором была проведена параллель между современными мифами, распространёнными в девиантой религиозной среде, а также исследовании причин повторения уже происходивших в Российской истории религиозных кризисов и предельной схожести их проявлений. Также автор демонстрирует через различные призмы (философскую, психологическую, психиатрическую и богословскую) рискогенный потенциал таких феноменов как квази- и гиперрелигиозность. Дано авторское определение понятия «гиперрелигиозность».

Положения, выносимые на защиту:

– Современная религиозная ситуация после развала СССР представляет процесс возрождения религиозного опыта. Но это очень сложный и опасный процесс перехода, наполненный «духовными ловушками»: от «неведомого Бога», когда «я не знаю, кому и как молиться» («минимальная религиозность» *minimal religion*) к «я точно знаю волю Бога», потому что «знаю, как правильно верить» («квази и гиперрелигиозность» *quasi* и *hyper*).

– Сумма обозначенных нами проблем, возникающих при исследовании религиозности, и ее возможных рисков актуализируется таким религиозным

феноменом как «неофитство». Неофит – это «особо другой» верующий¹⁴. Неофитство – это обязательный период в жизни каждого уверовавшего человека, который является периодом возрастания от детской, неокрепшей, «гетерономной» религиозности (И.Ильин) к сознательному воцерковлению, «автономной» религиозности (И.Ильин). Но оно является рискогенным временем, так как именно в этот период новообращенный пытается заполнить духовную брешь в своей жизни (и жизни близких ему людей) в максимально кратчайшие сроки и по максимуму.

– Опасность для общества представляют люди с неверной, патологической и больной религиозностью. Эта опасность заключается не только в том, что человек может совершить некие внешние действия с целью причинения кому-либо вреда или нанесения урона (это когда мы говорим об экстремизме или религиозном терроризме). Но, в не меньшей степени, такой человек представляет опасность, так как может и других заражать подобной неверной религиозной интенциональностью.

– Фундаментом квази и гиперрелигиозности является догматическое невежество и страстная природа человека. Экстремальная религиозность бывает двух типов: в основании первого – святость жизни, второго – страсти (гордыня, тщеславие) и невежество. Квазирелигиозное и гиперрелигиозное сознание, которые по своей сути являются «духовными наизнанку», фальсифицируют историю, порождают квазикультуру. Гиперрелигиозность приводит к нарушению традиции. В силу отрыва от традиции расширяется область квазирелигиозности, которая несет не радостные и созидющие личность и объединяющие социум элементы, но деструктивные содержания, осуждающие государство (мир), социальный институт брака, деторождение, отрицающие важность тела как храма божиего...

– Особенности квазирелигиозности и гиперрелигиозности является идолопоклонническая вера и мифотворчество. В первом случае в ранг

¹⁴ Лексин В.Н. Верующие и неверующие в повседневной жизни. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/drugie-veruyuschie-i-neveruyuschie-v-povsednevnoy-zhizni> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

«предельного интереса» (П. Тиллих) возносятся предварительные, конечные реальности, возвышенные до уровня предельности. К этим ложным предельностям относятся и множество псевдоправославных течений. Именно в них в ранг предельной реальности возводится нечто не соответствующее с предельной реальностью православия. В качестве таких предельностей, вокруг которых расширяет свои границы неомифология, представляются, прежде всего, культ личности, замещающий Бога и эсхатологические чаяния.

– В российской истории присутствует множество различных примеров религиозности, отклонившейся от нормы. Начиная с ересей богомилов и мессалиан, у нас воплотившихся в лице так называемых «капитонов» или, по-другому, радикальном движении «лесных старцев», которое возглавлял некий старец Капитон через хлыстов и скопцов до современных Пензенских затворников. Художественная литература изобилует примерами подобной рискогенной религиозности, которая, не смотря на временной континуум, проявляет себя в сходных фобиях современного мира (ИНН, девиантная эсхатологичность, Антихрист, паспорт и пр.).

– На примере религиозного бытия литературных персонажей мы видим потрясающий пример внешней и внутренней религиозности, пример того, какой должна быть подлинная вера и, прежде всего, что является ее изнанкой. Изучение примеров различных форм и типов религиозности в художественной литературе, в особенности же рискогенных, содержит в себе практическую направленность в рамках катехизического просвещения воцерковляющихся.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении через религиоведческую, философскую, культурологическую и богословскую призму повседневной жизни как рискогенной ситуации, в которой находится неверующий человек, рискующий уверовать в неверное и/или неверно, а также влиянии рискогенной религиозности на другого человека, группу людей и т.д.

Практическая значимость исследования заключается в анализе рискогенной религиозности современного Российского общества, исследовании при помощи литературно-художественной оптики алгоритмов влияния

рискогенной религиозности на социум. При этом художественная литература может выступать замечательным катехизаторским пособием для знакомства с примерами истинной и ложной религиозности, выявления причин неверного развития религиозного опыта; а также служить криминалистическим пособием для сотрудников внутренних дел. Представленный материал может быть использован в образовательном процессе, так и в проектно-исследовательской работе образовательных учреждений.

Структура работы обусловлена целями и задачами магистерской работы и состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и приложения.

Первая глава «Религиозность в России на рубеже XX и XXI веков: от «minimal» к «hyper»» состоит из четырех параграфов и направлена на выявление предпосылок возникновения духовных проблем на религиозной почве в постперестроенное время и описание возникновения квазирелигиозности и гиперрелигиозности на почве неопитства.

В первом параграфе « “Религиозность в России на рубеже XX и XXI веков: от “minimal” к “hyper”» наши исследования показали, что масштаб неопитства в период падения СССР был запредельным. Ошеломляющее количество неопитов и их «сырой» религиозный опыт, которого, по сути, и не было еще, дало импульс к разрастанию таких феноменов как квазирелигиозность, гиперрелигиозность (ультраортодоксия, религиозный фундаментализм, радикальная религиозность, экстремальная религиозность, внеконфессиональная религиозность, сектантская религиозность и т.д.).

Бедный верующий – это тот, кто «изголодавшись по Боге» знает, что Бог есть, но он не знает где Он есть, где Он истинный (от изобилия вер), и как к Нему обратиться. Речь идет о бедной религии, сформировавшейся как ответ на разрыв с традициями в качестве некой единой, невероисповедной, сверхисторической формы самой веры. Благодаря атеистическому отрицанию вер в период распада СССР на горизонте возникает вера в Бога как вера не в рамках какой-то определенной традиции, а как «вера вообще». Подобная тенденция известна на Западе под названием итсизм («Ietsisme» от нидерл. Iets [its] что-то, кое-что, что-нибудь).

Для примера бедной веры – «просто веры», «просто в Бога» М.Эпштейн использовал высказывание известного московского художника Гарифа Басырова (1944 – 2003), которого спросили, считает ли он себя правоверным мусульманином. Его ответом было следующее: «Это смехотворно. Как всякий нормальный человек, я чувствую себя на пути к чему-то. Но я не специалист ни в исламе, ни в буддизме, ни в христианстве. Все эти обряды не для меня.

Единственное, что я знаю наверняка: Бог есть». Так, можно заключить, что «minimal religion» и есть Ietsisme (бедная религия и есть – что-тоизм), а религиозность итсиста (бедного верующего) – есть квазирелигиозность.

Важно помнить, что религиозность является состоянием духовным, но многие не предают необходимого внимания данному факту и «пытаются быть “религиозными” вне духа и духовности» (И. Ильин). А это, по мудрому утверждению И.А. Ильина, ведет к тягостным и опасным последствиям. Если игнорировать всю значимость, предметность, строгость и даже «страшность» религиозного опыта это приведет к тому, что человек с легкостью станет жертвой «нетрезвой фантазии и неочищенного чувства», духовный опыт будет подменен чем-то поддельным, фальшивым, извращенным. Так легко возникает «квази» -религиозность, -духовность, -вера. Именно поэтому история пестрит мнимыми откровениями, ложными видениями, фальшивыми учениями, странными дикими обрядами и всевозможными извращениями. Религиозная жизнь – это не просто увлечение, не просто игра в запредельное и таинственное, это – настоящая борьба. В этой борьбе за настоящую религиозную жизнь, за подлинный религиозный опыт «необходимо трезвение и очищение; а также – великое чувство ответственности и дисциплинированная сила суждения»¹⁵.

На примере современной России мы наблюдаем яркий переход от минимальной или бедной религии (minimal religion) к гиперрелигиозности (hyperreligiousness), как попытке восполнить за предельно короткий промежуток времени семидесятилетний разрыв с многовековой культурой.

Во втором параграфе «Феномен неофитства и его рискогенный потенциал» мы указали на курьезные моменты, в современном обществе, когда речь заходит о вере или вероисповедании. Например, белорусский президент, на вопрос о своем вероисповедании ответил, что он «православный атеист»¹⁶. А Л.Н. Митрохин, знаменитый религиовед, классический «научный атеист», академик РАН, в постсоветское время в откровенном разговоре с А. Кырлежеевым сказал следующее: «Я могу про себя сказать то же, что сказал Лукашенко: я – православный атеист»¹⁷.

Опираясь на следующее утверждение: «Художественное произведение может выражать “бедную” веру, даже если сам художник ее не имеет»¹⁸, мы показали примеры реализации данного тезиса в жизни писателей В. Ерофеева, А. Битова и др., которые сводятся к новомодному определению «внеконфессиональной религиозности».

¹⁵ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. В двух т. ТОО Парог. – М., 1993. – 448 с. С. 53

¹⁶ Православный атеист. URL: [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://iz.ru/news/268076?page=1> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

¹⁷ Эра постсекуляризма. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://www.pravmir.ru/era-postsekulyarizma/> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

¹⁸ М. Эпштейн. Постатеизм или бедная религия. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/mixail-yepshtejn/11275-postateizm-ili-bednaya-religiya.html> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

Также мы проследили религиозную динамику в жизни с Булатом Окуджавой, который в своем последнем интервью, незадолго до своей смерти утвердительно сказал, что он «абсолютный атеист», хотя православный по своим предкам. Этот «абсолютный атеист», тем не менее, прибегал к молитвенной практике, правда была она у него своеобразная, как у действительно бедного верующего. Приведем несколько строк в пример:

«Молюсь, чтоб не было беды, и мельнице молюсь, и мыльнице,
Воде простой, когда она из золотого крана вырвется.
Молюсь, чтоб не было разлук, разрух, чтоб больше не тревожиться...»

Не понятно кому молившись, «абсолютный атеист» «православный по предкам» в итоге написал потрясающую до глубины души «Молитву» (стих-песню).

Некрещеный, «абсолютный атеист» Окуджава таким оставался до самых последних дней своей жизни. Но за несколько минут до смерти, он попросил свою супругу совершить Таинство Крещения во имя Отца и Сына и Святого Духа. «Абсолютный атеист» как и благоразумный разбойник, за считанные минуты перед самым своим исходом совершил спасительный «прыжок веры» в жизнь вечную с именем Иван.

– Период воцерковления длителен, и даже самому ревностному из неофитов (новоначальных) нельзя восполнить многолетнюю «программу по духовному возрастанию» за полгода. Если жизнь неопита будет идти размеренным путем, без взлетов и падений, то это может привести к религиозной незрелости. Сама же религиозность будет в состоянии стогнации и 10, и 20 лет. Так может пройти и вся жизнь, если, конечно человек вовсе не уйдет из церкви (недовоцерковление, расцерковление). Стоит напомнить, что подобную религиозность Иван Ильин называл «гетерономной», а ей он противопоставлял укорененную веру, именуемую им «автономной» религиозностью.

Неофитство, как об этом пишет игумен Петр (Мещеринов), несет в себе положительный импульс: «Неофит – человек, который познал если не Бога, то то, что Он есть, и действует через Церковь». И самое важное, когда мы говорим о гиперрелигиозности, необходимо утвердительно сказать о том, что этот период-этап присущ каждому человеку подлинно приходящего (пришедшему) к Богу. Неофитству свойственна гиперрелигиозность. Об этом же пишет и богослов: «Следствием этого является *горячая вера, ревность по вере, максимализм*»¹⁹. Эти качества являются замечательными по своей природе, но именно в период неофитства они – младенческие. Их нужно привести в порядок, окультурить. Потому так важно взросление в духовной жизни. Если его не будет, то человек «застревает» в своем духовном возрастании.

Существуют также последствия «застревания» в неофитстве: «трагическое» – когда человек в итоге уходит из церкви; «погибельное» – когда происходит закоснение в неофитствовании и превращении в фарисея; и

¹⁹ Там же

нормальное – когда человек укореняется в вере пройдя всевозможные испытания духовного характера.

В третьем параграфе «Квазирелигиозность постсекулярного социума» мы рассмотрели несколько определений понятия квазирелигиозность, указали на его рискогенный потенциал и показали примеры квзирелигиозности в современной России.

Квазирелигиозность от религиозности отличается объектом поклонения.

На наш взгляд, более емко определяет квазирелигиозность А.В. Харламов. Он использует данное понятие для описания состояния российского общества, которое после гибели СССР, о чем мы уже сказали, ещё не выработало религиозный опыт: «В российской постсоветской ситуации такой душевной настроенности у большей части населения просто не было (а в значительной степени нет и по сей день). В результате обращение отдельных социальных групп к тем или иным традиционным или новым религиозным традициям, стало принимать своеобразные формы: псевдорелигиозности, квазирелигиозности, идейного фанатизма (нетерпимости к инакомыслию) или элементарного суеверия, сочетающегося с внешней обрядностью»²⁰.

Религиовед Е.С. Элбакян отмечает, что «для квазирелигиозности исключительно присуща вера в естественные события, в личности (культ личности напр.)». На основе подобной веры, по мысли автора, возникают и определённые мифомодели, которые, в свою очередь, находят отражение и поддержку в массовом сознании²¹. Важно акцентировать внимание на том, что квазирелигиозность порождает мифомодели или мифологемы, примеры чего мы покажем дальше. А рукотворно-самодельные мифологемы являются результатом того, что «отдельные люди или массы людей оказываются без благодатного просвещения, без церковной науки, без постоянного наставления в слове Божиим и в предании отцов»²².

Однако не только квазирелигиозность порождает мифомодели, но также и гиперрелигиозность (гиперрелигиозное сознание) «сочиняет себе» определённые деструктивные мифы (прелесть).

Одним из самых ярких примеров квазирелигиозности на сегодняшний день является культ почитания И.Сталина. Подобное явление, описывают простым языком – «народное православие».

Важно акцентировать внимание на том факте, что квазирелигиозное и гиперрелигиозное сознание, которые по своей сути являются «духовными

²⁰ Хвастунова, Ю. В. Оккультная квазирелигиозность в современной культуре // Социальные процессы в современной Западной Сибири : сборник научных трудов / ред.: Ю. В. Табакаев, В. С. Полянский. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – С. 184-187. – 203 с.

²¹ Элбакян Е. С. Квазирелигиозность // Религии народов современной России: Словарь / Ред. кол. Мчедлов М. П. (отв. ред.), Аверьянов Ю. И., Басилов В. Н. и др. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Республика, 2002. — С. 170. — 624 с

²² Второе пришествие апокрифов. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://predanie.ru/kuraev-andrey-protodiakon/book/71850-vtoroe-prishestvie-apokrifov/> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

наизнанку», фальсифицируют историю, порождают квазикультуру. Искаженное сознание обличает эти образы в святые лики. Известны не только получившие распространение псевдоиконы с изображениями Иоанна IV (Грозного), Ленина, Сталина, Гитлера, Распутина и т.д., но также и масштабные спекуляции на этих «образах», которые ведут к подмене истории, дискредитации православной культуры (традиции), социальным противоречиям и конфликтам. Еще одним примером мифотворчества является новость от 19 января 2012 г. о том, что «Икона Путина в Нижегородской области начала мироточить».

Известны еще и такие псевдоиконы Божией Матери как «Футбольная»²³ и «Укропская». На Украине некоторые события, относящиеся к духовной жизни, под воздействием той ситуации, которая до сих пор происходит на данной территории, приобретают сверхабсурдный характер. Например, в сети интернет можно найти большое количество фотоматериалов, на которых изображена храмовая роспись с основными действующими лицами: с одной стороны прославляются в качестве святых действующие лица с «Майдана», а с противоположной стороны видны изображения тех, кого ведут на Страшный Суд, а именно: президента России Владимира Путина, Патриарха Кирилла, «ватника» и «зеленого человечка» (т.н. вежливые люди)²⁴.

Разумеется, все эти продукты квазикультуры являются производной квази и гиперрелигиозности. Нельзя, конечно, отрицать и возможные пропагандистские действия со стороны спецслужб, отлично знающих психологию масс, в особенности верующих. Но это маловероятно.

Идолопоклонничество в религиозных течениях вознесенное до неограниченной предельности порождает гиперрелигиозное сознание, ограниченное узостью восприятия как догматики так и реальности (отсюда: поиск старцев, поиск благодати – паломничества, ожидание/боязнь антихриста, ИНН, кодов, паспортов и пр...). Здесь же нужно сказать еще и о том, что невежество во многих догматических вопросах порождает различные мифы, которые в огромном количестве заполняют массовое сознание с начала 90-х годов XX века. Но то же самое мы видим и на протяжении всей истории России.

Во многих городах России на сегодняшний день квазирелигиозность с ярко выраженным оттенком гиперрелигиозности актуализируется в движении «Братство Царя Искупителя» или же «ереси царебожия». Царебожники, как и многие сектанты находятся в постоянном поиске чудес и духовных («благодатных») наслаждений, среди них распространяются практики поиска чудотворных старцев, батюшек экзорцистов (отчитывающих), мироточащих и «намоленных» икон, храмов и монастырей и пр. Особо интенсивно

²³ Футбольная икона. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://cprfspb.ru/3489.html> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

²⁴ Грех братоубийства и комплексы неполноценностей. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://ruinform.com/page/greh-bratoubijstva-narodoubijstva-i-kompleksy-nepolnocennostej-ugkc-foto> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

распространяется среди подобно настроенных масс проблема ИНН (как имени, которое дает человеку сатана) и конца времен (апокалипсис).

Подобное мировоззрение инимикоцентрично (от латинского inimicus – враг), где место Христа занимает враг (а враг, это – любой другой, кто не с разделяет их идей).

Современные духовные коллизии, происходящие не только в сектантском мире, но и внутри православия имели место быть и в предшествующие эпохи, что мы и показываем во втором разделе диссертации.

В четвертом параграфе «Гиперрелигиозность как социальная проблема» мы показали гиперрелигиозность во многих модификациях, т.к. в современном российском обществе становится все больше маргинальных групп, которые совершенно открыто позиционируют себя ортодоксами, а по существу, являются православными фундаменталистами с ультрарадикальным оттенком²⁵.

Понятие «гиперрелигиозность» звучит достаточно экзотично. Используют его довольно часто в качестве определения повышенного уровня религиозности. Однако, чаще всего, под «гиперрелигиозностью» понимают религиозный фанатизм и нередко отождествляют эти два понятия. В определенном отношении, действительно, они родственны по смыслу и свойствам, и, как мы покажем в ходе нашего исследования, фанатизм является крайней формой гиперрелигиозности, но между гиперрелигиозностью и религиозным фанатизмом четкого знака равенства быть не должно. Отождествить эти понятия – означало бы формально решить существующую проблему, либо вовсе свести ее на «нет».

Приставка «гипер», в отличие от приставок «сверх» и «супер», означает не просто сильную, а чрезмерную степень качества. Для определения подобной религиозности мы используем терминологию современного культуролога М.Эпштейна, который морфему «гипер» раскладывает на значение двух приставок: «супер» и «псевдо». «“Гипер” – это такой “супер”, который самим избытком некоего качества преступает границу реальности и оказывается в зоне “псевдо”»²⁶. «Чрезмерность – такой избыток качества, когда, переступая свою меру, оно переходит в собственную противоположность. Вот почему «гипер» – уместное обозначение таких феноменов, которые обнаруживают предельное усиление и одновременно поддельность данного качества»²⁷.

Слово «гиперрелигиозный» является чем-то вроде «очень религиозный» или «ультра духовный», в том смысле как мы понимаем качества супер героя. На сегодняшний день для обозначения подобного состояния используют такие термины как «супердуховность» (С. Роуз), «духовность наизнанку» (Р.Генон), «токсическая вера» (S.Arterburn & J.Felton). В православной среде верование на

²⁵ К.Н.Костюк. Православный фундаментализм. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://nationalism.org/library/science/religion/kostyuk/kostyuk-socis-2000.htm> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

²⁶ Эпштейн М. «Постмодерн в России. Литература и теория». М.: Издание Р. Элинина, 2000. — 368 с. (С.31)

²⁷ Там же

таким уровне имеет множество обличий. Чемпионом по эпитетам к подобно верующим, на наш взгляд, является богослов Андрей Кураев. В его работах²⁸ мы встречаем следующие наименования: «православные фундаменталисты», «традиционалисты», «неофиты монархизма», «ревнители церковных канонов», «соборные опричники», «неумеренные ревнители православного благочестия», «ультраправославные», «православные ваххабиты». Ревнителей благочестия общественное мнение обычно причисляет к фундаменталистским кругам²⁹. Также мы встречаем такие определения как: ультраортодоксы³⁰ (супер-ультра-истинно-православные) и ядерные верующие³¹.

Хотя, надо признать, что уже в 4-м веке один из Отцов Церкви, Григорий Богослов именует таких верующих как «некоторые из числа чрез меру у нас православных»³². Без особого желанья еще отметим и тот факт, что в современном разговорном сленге возникло грубое слово «православнутые» («православие головного мозга»³³), которым клеймят каждого у кого, так или иначе, заметны «перекося» или «перегибы» в религиозной жизни. Произошло данное слово от страдательного причастия «долбанутый», синонимами которого являются такие слова как «ударенный», «пришибленный», а гиперонимом – «ненормальный». Возможное возникновение подобной «ненормальности» известно в святоотеческой православной традиции с самого рождения христианства, еще от апостола Павла (1 Тим. 3:6). Подобный феномен зовется «ревностью не по разуму» и является антагонизмом «ревности по Боге»³⁴ (см., напр.: Рим. 10; 2 Кор.).

Важно понимать и помнить, что любое «гипер» подразумевает характерное увеличение относительно своей нормы. Превышение нормы в своей потенции содержит такую чрезмерность, такое излишество, неумеренность и преувеличенность, которые, в конце концов, приводят к тяжелым последствиям.

²⁸ «Второе пришествие апокрифов. Проповедь о порче вместо проповеди о Христе», «Оккультизм в православии», «Искушение, которое приходит справа» и др.

²⁹ Костюк К.Н. Православный фундаментализм. [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://nationalism.org/library/science/religion/kostyuk/kostyuk-socis-2000.htm> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

³⁰ Прот. Георгий Йоффе. «Практическая миссиология». [Электронный ресурс] сайт. URL: <https://azbyka.ru/katehizacija/prakticheskaya-missiologiya.shtml>; Игумен Феогност (Пушков) «Где искать корни ультраортодоксии?» [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1451> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

³¹ Богачев М.И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ // Религиоведческие исследования. Социология современного православия. 2016: №1 (13). – М., 2016. – 219 с. (С. 15)

³² Св. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. Троице-Сергиева Лавра, 1994. С. 319

³³ Прот. Георгий Йоффе. «Практическая миссиология». [Электронный ресурс] сайт. URL: <https://azbyka.ru/katehizacija/prakticheskaya-missiologiya.shtml> (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

³⁴ Лукьяненко К.А. «Некоторые аспекты религиозной интенсификации». Materialy IX mezinardni vedecko-prakticka conference «Dny vedy – 2013» Dil 24 Filosofie. (Praha, 27.03.-05.04.2013 p.). P. 77-80

Гиперрелигиозность может возникнуть, когда внешняя форма подлинной духовности искажается, и это духовное искажение становится единственно верным и главным центром веры. Вместо того чтобы стать человеком любящим и помогающим другим, вместо стремления к обретению положительных качеств, которые можно обрести познавая Бога, гиперрелигиозные люди становятся подозрительными, изолируются и формируют абсолютно неверное представление о Боге, исходя из их собственных убеждений. Гиперрелигиозность можно легко заметить, так как она проявляется экстремально и выступает против социальных норм. А характеризуется подобная религиозность (или религиозная гиперактивность) активностью «во вне».

При несоблюдении необходимого религиозного метода верующий может попасть в топику прелести «С.С. Хоружий). В топике прелести происходит такая подмена духовных паттернов паттернами бессознательного, при которой человек пребывает в ложной иллюзии, полагая, что находится и продвигается в духовной практике. С.С.Хоружий выделяет два вида прелести, присущих данной топике: невольная прелесть (наиболее распространенные паттерны в подвижничестве) и умышленная прелесть (психотехники Грофа, Кастанеды, холотропной терапии, методики медитации и холистического тренинга, сочиняемые на базе восточных традиций, экстатические процедуры сект и групп стиля New Age), в которую попадают, пытаясь достичь тех радикальных трансформаций сознания «которые сопутствуют высшим ступеням практики и к которым каноническая дисциплина ведет трудно, длительно и заведомо без гарантий»³⁵. Такие практики не являются подлинными духовными практиками, а являются их имитациями, симулякрами³⁶.

Прелесть в православной мистике выступает как нарушение иерархической подчиненности внешнего внутреннему и является заблуждением, прельщением, обманом (Рим. 1, 27). «Прелесть – есть повреждение естества человеческого ложью; усвоение человеком лжи, принятой им за истину»³⁷.

Поскольку молитва и техника внимания являются ключевыми моментами органа духовного опыта, постольку их нарушение приводит к возникновению опыта ложного, мнимого³⁸. Истоком гиперрелигиозности

³⁵ Хоружий С.С. Человек суще троякоразмыкающее себя. [Электронный ресурс] сайт. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2011/06/horuzhy_troyakoe_sushee.pdf (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

³⁶ Хоружий С.С. Православная аскеза – ключ к новому видению человека / С.С. Хоружий / Православие и современность. Электронная библиотека Веб-Центра «Омега», 2000, с 146 [Электронный ресурс] сайт.

URL:http://azbyka.ru/hristianstvo/chelovek/horuzhiy_pravoslavnaya_askaiza_01-all.shtml, (дата обращения: 21.05.2017). Загл. с экрана.

³⁷ Брянчанинов Игнатий, святитель. Аскетические опыты / Святитель Игнатий Брянчанинов. – ООО «Харвест», 2003. – 895 с., с. 133-135

³⁸ Хоружий С.С. Дискурсы внутреннего и внешнего в практиках себя [Электронный ресурс] / Сергей Хоружий // Экзистенциальная и гуманистическая психология — Московский психотерапевтический журнал, 2003 — №3, С. 5–25.

топики прелести является неправильное упражнение молитвой, особенно разгоряченный подвиг и усиленная молитва у новоначальных³⁹.

Предлагаем следующие определения гиперрелигиозности:

– Гиперрелигиозность с точки зрения психиатрического и психоневрологического подходов – *это болезненное восприятие роли религии и Бога в собственной жизни*; проявляет себя в таких феноменах как: религиозный фанатизм, религиозное помешательство (*paranoia religiosa*), религиозный энтузиазм, галлюцинации, экстаз, мистический бред, психическая эпидемия. Гиперрелигиозность последователей неопятидесятнических и некоторых неохристианских объединений представляет собой квазирелигиозный процесс симуляции и иллюзорной интенсификации традиционной молитвы, посредством гипнотических манипуляций.

– Гиперрелигиозность с точки зрения святоотеческой традиции представляет собой феномен «ревности не по разуму», источниками которой являются самомнение и гордость (прелесть). Так обозначаются различные отклонения от здоровой религиозности, приводящие религиозного энтузиаста (чаще всего неофита) к обманчивой святости. *Гиперрелигиозность является неметодичным иллюзорным восхождением к псевдодуховным высотам, основанием которой выступает самообольщение (самомнение, тщеславие, гордость), а результатом – бесовская прелесть*. И, поскольку «самость и самочиние» преобладают в жизни тех, кто занимается «исключительно усиленным телесным подвигом» (Игнатий Брянчанинов), постольку гиперрелигиозность – есть самостная религиозность.

– Гиперрелигиозность с точки зрения социального и религиозно-философского подходов представляет собой такую интенсификацию в религиозной жизни, которая переизбытком своего качества, переходит в псевдорелигиозность (преступая меру, переходит в свою противоположность) – рискогенную религиозность. В этом смысле *гиперрелигиозность – это аномальное духовное состояние, которое является следствием усиленного телесно-душевного порыва к достижению тех духовных высот, которые требуют продолжительного времени и духовно-верного религиозного метода*. Это касается, прежде всего, верующих традиционных религий. Так, гиперрелигиозное сознание, в первую очередь, присуще религиозным фундаменталистам, квазирелигиозным верующим и неофитам. Религиозный фанатизм – это крайняя форма гиперрелигиозности.

Во второй главе «Рискогенная религиозность в истории России и художественной литературе», состоящей из двух разделов, мы провели сравнительный анализ религиозного прошлого и настоящего в Российском обществе через историко-литературную призму, а также показали, что «новое» – это хорошо забытое «старое».

³⁹ Там же С. 137

В первом разделе мы показали, что существует два типа экстремальной религиозности. Первая – святых и подвижников, чья религиозность была сутью подлинной т.к. производными их «экстремальных» аскетических подвигов были, выражаясь христианской терминологией, плоды Духа Святого. Не просто, а лучше сказать, не только чудотворение или прозорливость, но, прежде всего, безмерная любовь к Богу и людям.

Вторая – еретиков, находящихся в прелести (и всех остальных, самочинно подвизающихся), чья религиозность представляет собой омертвляющий догматизм, застой, косность, бездуховность. Данный тип религиозности часто представляет собой рискогенную, патологическую религиозность.

Уже с самого зарождения христианства второй тип экстремальной религиозности не просто существовал, но всячески пытался разрушить Церковь Христову, сея везде лукавые семена сомнения, совращая при этом слабейших духом.

Подобное противостояние первого типа экстремальной религиозности, которой соответствует святость жизни, второму гиперрелигиозному типу наблюдается во всей истории христианства. Русское православие также не миновало сего.

Один из старших примеров экстремальной религиозности со знаком минус является «старец» Капитон, лидер т.н. «лесных старцев», представляющий радикальный аскетизм, изуверского характера. Он был настолько суров, что даже на Пасху он разговлял себя и братию красным горьким луком, а не крашеными яйцами. Подобный аскетизм не мог быть ничем иным кроме как уродливым искажением православных мирских и монашеских правил и практики. Также стоит отметить, что Капитон видел в миру, семье и детях только источник и результат греха, неизбежно ведущего к вечной гибели. Еще стоит обратить внимание на то, что настроения псевдостарца, несомненно, отражали мрачные рассуждения об Антихристе, которые стали так популярны сначала в Западной, а со второй четверти XVI столетия и в Московской Руси.

Очевидно, такая гиперрелигиозность приводит к нарушению традиции, это первое. Второе: в силу отрыва от традиции расширяется область квазирелигиозности, которая несет не радостные и созидающие личность и объединяющие социум элементы, но деструктивные содержания, осуждающие социальный институт брака, деторождение, отрицающие важность тела как храма божиего...

Один из учеников этого «старца», Данила Филиппович, впоследствии стал основателем секты хлыстов⁴⁰, одной из самых страшных, тоталитарных, деструктивных сект после Раскола. Сюда же необходимо причислить и протопопа Аввакума, с его фанатичной приверженностью «букве», и многих

⁴⁰ П.И. Мельников (Андрей Печерский) Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Библиотека «Огонек», Изд-во «Правда». – Москва 1976. – 431 с. – С. 131

его последователей⁴¹. И набожного Иоанна Грозного, явившегося образцом ревнителя внешнего, обрядового, фарисейского благочестия, который еще до «капитонов» и «аввакумов»⁴² невероятно строго чтит букву религиозных догматов («молился так часто и так усердно, что на лбу его от земных поклонов были шишки»)⁴³.

Таких делателей внешнего благочестия в те времена было очень много, о чем свидетельствуют такие историки церкви как Г.Флоровский, А.Карташев и митрополит Макарий.

Еще одной крайностью религиозности того времени был запрет на бритье бороды и усов, которые считались латинской ересью и даже смертным грехом⁴⁴. Этот перегиб в неофитских кругах распространяется сегодня с новой силой.

Необходимо сказать еще и то, что именно тогда были особо распространены ожидания пришествия Антихриста и конца света, который должен был наступить в 1666 г. В это время в роли антихриста был патриарх Никон⁴⁵. Спустя время, крайне радикально воюющий с чрезмерной народной фантазией, самым суровым аскетизмом, всеподавляющей мертвой обрядностью, «т.е. той стороной веры, которой особенно дорожил русский человек конца XVII – начала XVIII в. и из-за которой миллионы людей уходили в раскол»⁴⁶, и внешним проявлением религиозности (ханжеством), царь Петр I, был также удостоен звания антихриста⁴⁷.

Говоря о расколе, Г.Флоровский писал: «И совсем не “обряд”, но “Антихрист” есть тема и тайна русского Раскола. Раскол можно назвать социально-апокалиптической утопией... Весь смысл и весь пафос первого раскольничьего сопротивления не в “слепой” привязанности к отдельным обрядовым или бытовым “мелочам”. Но именно в этой основной апокалиптической догадке. “Время близ есть”...»⁴⁸. Как тогда антихрист «уже

⁴¹ Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга седьмая. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Москва 1996. – с. 671. С. 293-300

⁴² Множество примеров гиперрелигиозности см. в работах П.Мельникова-Печерского: «Письма о расколе», «Тайные секты», «Белые голуби», «Очерки поповщины»; В.Даля «Скопческая ересь».

⁴³ Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга четвертая, часть вторая. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Москва 1996. – с. 439. С. 163-164.

⁴⁴ Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга четвертая, часть вторая. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Москва 1996. – с. 439. С. 161

⁴⁵ Там же С. 202-203,

⁴⁶ Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга восьмая, часть первая. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Москва 1996. – с. 799. С. 70

⁴⁷ П.И. Мельников (Андрей Печерский) Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. Библиотека «Огонек», Изд-во «Правда». – Москва 1976. – 559 с. – С. 209, 219

⁴⁸ Прот. Георгий Флоровский. «Пути русского богословия». [Электронный ресурс] сайт. URL: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/03.html> (дата обращения: 3.06.2017). Загл. с экрана.

пришел и властвовал», так и сейчас мы встречаемся с огромным количеством подобных неомифологических бредней, граничащих с абсурдом, но, тем не менее, нарастающих как снежный ком.

Во втором разделе второй главы «Проблема рискогенной религиозности в художественных текстах писателей XIX века: параллели с современностью», на примере художественных произведений были показаны современные крайности в религиозной жизни некоторых представителей и маргинальных групп нашего общества. Такие как: проблема принятия ИНН и паспортов, пришествия Антихриста (эсхатологические мифы), проблема экуменизма, проблема старчества (младостарчества), а также религиозная чрезмерность, несомненно, являющиеся повторением исторических событий России.

Подобные формы религиозных фобий и перекосов присущи практически каждой эпохе. Однако существует и гораздо более высокий количественный рост данных явлений, например, в период Никоновских реформ, Петровских реформ, периода «мистицизма Александровых времен». Состояние неопределенности в религиозной жизни прошлого было «схвачено» литературой как важной составляющей социального действия и выстраиваемого бытия человека. В русской литературе XIX века появилось огромное количество произведений, показывающих настоящую религиозную веру и ее изнанку.

Различные ярко выраженные перекосы и перегибы в духовной жизни, рискогенный религиозный опыт, мы встречаем в рассказах следующих авторов: Г.Успенского «Парамон Юродивый»; Ф.Достоевского «Братья Карамазовы», А.Чехова «Убийство», «Черный Монах», «Казак», «Княгиня», «Три года», Панихида; П.Мельникова-Печерского «Гриша», «Старые Годы», «Поярков»; А.Белого «Серебряный голубь»; Л.Толстого «Отец Сергей»; М.Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»; А.Зернина «Женитьба доктора Поволжина» и во многих других.

Наверное, правильно было бы сказать, что вся русская литература середины и конца XIX века – это литература о том, как разрушается норма. В нашем случае, религиозная...

В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются его основные выводы и положения.

Список использованной литературы содержит 77 источников и приложение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашей работы, стоит отметить, что мы смогли увидеть, два главных источника многих проблем как в современной жизни верующих России, так и ее историческом прошлом, а именно: невежество (догматическое) и «страстную природу человека». Именно эти два фактора всегда были и остаются камнем преткновения для здорового развития социума. Именно от них, чаще всего, зависят религиозная вражда и вообще любые типы религиозных конфликтов. Именно в этой нездоровой религиозной среде постоянно рождаются новые мифы, которые представляют собой замещение веры в Бога, верой в личности, события и т.д.

Важно помнить, что религиозная жизнь, на самом деле трудна и непредсказуема. Вообще – это очень сложный и опасный процесс онтологического бытия человека. Этот путь от рождения в жизнь мира сего до «рождения» в жизнь вечную сплошь и рядом наполнен «духовными ловушками», от которых не застрахованы даже святые. Именно в период неопитства (религиозного взросления человека) воцерковляющийся находится в предельно (максимально) опасном положении. Предупреждение об этом и преждевременное знакомство с информацией о данном феномене поможет человеку неверующему узнать о религиозном методе, что повысит вероятность уверовать «верно» и в «верное».

Духовная жизнь по книжкам и по житиям святых без должной подготовки неизбежно приводит к тому, что мы имеем сегодня в православной среде. Состояние неопитства, которому присуще все идеализировать и преувеличивать, может прочно закрепиться на всю жизнь. И человек,

пребывающий в состоянии самообольщения, полагая, что он истинно верующий, так никогда и не узнает, что он живет не подлинной религиозной жизнью, но ее симуляцией, плодом своей фантазии.

Не стоит забывать, что патологическая религиозность представляет собой опасность, так как других заражает подобной неверной религиозной интенциональностью. Поэтому крайне важно избирательно относиться к любым религиозным движениям вообще и внутриправославным группам (приходам), в частности.

В российской истории присутствует множество различных примеров религиозности, отклонившейся от нормы (девиантной). И, как мы увидели, подобными примерами не обделена и художественная литература. Более того, мы смогли проследить, что и тогда остро стояла проблема с подменой религиозной веры, и что это зафиксировали не только философы, историки и врачи, но и писатели.

На примере религиозного бытия литературных персонажей мы видим потрясающий пример (контраст) внешней и внутренней религиозности, пример того, какой должна быть подлинная вера и, прежде всего, что является ее изнанкой. Изучение примеров различных форм и типов религиозности в художественной литературе, в особенности же рискогенных, содержит в себе практическую направленность в рамках катехизаторского процесса воцерковляющихся.

Для нас, живущих в начале XXI-го века, крайне важно, осознав глубинный смысл исторических посланий наших соотечественников, обратиться к многовековому опыту аскетической традиции и, верно поняв его, сделать правильные выводы, дабы свести к минимуму возможность повторения исторических ошибок.

В силу сложившихся обстоятельств в духовной жизни современного российского социума, нам представляется крайне полезной идея ввести катехизические курсы в качестве факультатива «по духовной безопасности» на кафедрах религиоведения и теологии при светских вузах. Подобное решение, в

должной мере способствовало бы созданию необходимого информационного потенциала, помогающего сохранить духовное, психическое и физическое здоровье как верующих, так и не верующих граждан современной России. Тем более в век современных технологий, социальных сетей...

Основные положения работы отражены в следующих публикациях автора:

1. Лукьяненко К.А. Антропология гиперрелигиозности. Антропологическое измерение современности: Сб. научн. тр. Международной очно-заочной научно-практической конференции «Антропологическое измерение современности. Актуальные проблемы философской, религиозной и культурной антропологии» (Саратов, 1-2 июня 2015г.) / Под ред. проф. В.А. Фриауфа. – Саратов: СГУ, 2015. – 222 с. (ISBN 978-5-9758-1621-4)

2. Лукьяненко К.А. Возрожденческие «тренды» религиозной социализации в рискогенной реальности: гиперрелигиозность и ультраортодоксия // Динамика религиозных общностей в рискогенной реальности: пространственный и институциональный горизонты / Под редакцией И.А. Дорошина. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2015. – 220 с. С. 162 – 179

3. Лукьяненко К. А. Рискогенный потенциал гиперрелигиозности (на примере повести А. П. Чехова «Убийство») // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 32–39. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-32-39.

4. Лук'яненко К.О. Соціальні норма і патологія гіперрелігійності: підступи до теми / Костянтин Лук'яненко // Філософські дослідження: Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. В.Даля. Випуск №14. — Луганськ: вид-во СНУ ім. В.Даля, 2011. – 328 с. С. 291 – 300.

5. Лукьяненко К.А. Факторы возникновения гиперрелигиозности гибридной топики прелести [Текст] / К.А.Лукьяненко // Гілея: наук. вісн.: зб.

наук. пр. / Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова, Укр. акад. наук. – Київ : [б. в.],
2013. – Вип. 71 (№4). – С. 646-652. – Бібліогр.: с. 652